

А. ДЕСТЛЕР

Невеста Полоза

Лайса Дестлер
Невеста Полоза

«Издательские решения»

Дестлер Л.

Невеста Полоза / Л. Дестлер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982545-2

Вызывающая страх и ненависть у жителей деревни молодая знахарка Синичка живет обособленно от всех. Желая спасти названную мать от страшного недуга, девушка, забыв о вековом предостережении, попадает на Змеиную Свадьбу. Грозный Змеиный Царь Полоз забирает ее с собой в Подземное Царство, но юная невеста не подозревает, как давно она причастна к Подземному Миру...

ISBN 978-5-44-982545-2

© Дестлер Л.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Невеста Полоза

Лайса Дестлер

© Лайса Дестлер, 2020

ISBN 978-5-4498-2545-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Нечисть, выглядевшая как тени, с неслышным для человеческого слуха писком и визгом шарахалась по деревянным стенам сруба. Мохнатые, косматые, готовые помешать сну его сокровища. Они бежали прочь, без оглядки, лишь только заслышав его аккуратные, едва шелестящие плавные шаги. Во тьме блеснули золотом звериные глаза с вертикальным зрачком. Едва слышное шипение, сорвалось легким дуновением ветра со рта, лишённого губ, обратив в бегство самых стойких духов, заставив домового задрожать за очагом. Ночная мгла не была ему помехой. Его взгляд пробежал по внутреннему убранству помещения. Он был здесь не в первый и далеко не в последний раз. Он цеплялся за такую обыденную, такую простую атмосферу, впитывая ее каждой клеткой своего тела. Место, где живет, где дышит его сокровище. Самое ценное и самое дорогое. Дороже самого золота, коим покрыта каждая поверхность его дворца. Дороже всех драгоценных камней, вплетенных в убранство его комнат. Сероватое марево его ночного зрения выхватило: покосившийся, грубо сколоченный стол; очаг с тлеющими углями; полки, заставленные глиняными горшками; и лавку, накрытую потертой, волчьей шкурой. Затаив дыхание, он подошел к лавке, по-птичьему склонив на бок голову, вглядываясь в очертания, спящей глубоким сном девушки. Копна волос цвета закатного неба. Фарфор лица. Трепет пушистых ресниц. Зарница аккуратных губ. Он присел на корточки перед ней, все так же наблюдая за ее спокойным сном. Не в силах подавить свой порыв, он аккуратно, невесомо и неуловимо, подцепил длинным черным когтем локон упавших на губы волос и отвел его от лица. Он мог видеть ее лишь ночью. Наслаждаться ее красотой, ее спокойствием, ее нежностью и безмятежностью. Он не мог позволить ей увидеть себя. Но только пока. Скоро все изменится. Он сделает все, что в его силах и что не в его силах тоже, лишь бы она перестала находиться в этом месте. Перестала страдать. Перестала быть игрушкой в чужих руках. Он стиснул зубы. Ему хотелось уничтожить всех тех, кто унижал ее, уничтожал ее. Он ненавидел их всех. Скоро, скоро все изменится. Скоро она будет под защитой. Скоро, никто не посмеет прикоснуться к ней. Он полностью погрузился в созерцание своего сокровища. Бесценного и драгоценного. Лишь когда косой луч солнца, знаменующий рассвет, коснулся его кожи, он резко поднялся, устремив на нее долгий взгляд. Брови девушки нахмурились, веки слегка дрогнули, и она резко села на кровати с чувством, будто на нее кто-то смотрел. Она не заметила, как в щель двери проскользнул длинный, золотистый хвост.

Глава 1

Большие, белые снежинки падали с неба, растворялись на теплых щеках, путались в волосах, оседали на ресницах, рисовали узор на темном мехе полушубка. Морозный воздух зло кусал за руки, прижимался к лицу. Сквозь сумрачный лес, меж корявых темных деревьев, укрытых шапкой белоснежного, искрящегося снега, пробиваясь через сугробы, бежала маленькая худенькая девочка. Собранная коса алых волос растрепалась, выбилась из-под шапки, которая постоянно сползала на глаза. Дыхание, маленьким теплым облаком, вырывалось из полукруглых губ, растворяясь в тишине леса. Зайчонком перепрыгнув через занесенный снегом валежник, девчушка оказалась на полянке, по бокам которой, покрывшись тонкой коркой льда, застыли болота. Ее взгляд уперся в окна небольшого, деревянного дома в которых проглядывался теплый свет, несмотря на рисунок инея. Из последних сил, она рванула к дверям, замолотив по ним покрасневшими кулаками. Внутри послышался звук разбитого горшка, шуршание, легкие шаги и дверь отворилась, облив девочку светом и теплом. Запахом жилого дома. Не высокая женщина с собранными, каштановыми волосами и добрыми, немного раскосыми глазами, близоруко прищурилась, сясь разглядеть позднего гостя. За ее спиной маячила большая, грузная фигура ее мужа.

– Мила. Мама горячая, белая и тяжело дышит. – стараясь перевести дух, быстро пролепетала девочка. Глаза женщины вспыхнули пониманием. Быстро подхватив теплую шаль, она одним движением накинула ее на плечи и, взяв девочку за руку, быстрым шагом направилась через лес обратно. Дорога домой показалась втрое короче. Они прошли через деревянный тын с большими воротами. Миновали заснувшую деревню, смотрящих на них слеповатыми окнами. Еще немного и показался дом, сложенный из крупных брусьев. Девочка, отпустив руку Милы, бегом бросилась отворять двери родной избы, впуская в натопленную комнату мороз. На лавке, укрытой волчьей шкурой в беспамятстве металась худая, бледная женщина с растрепанными, медными волосами. Мила быстрым шагом пересекла комнату, в мгновение ока оказавшись подле больной. Ее узкая прохладная ладонь, легла на обжигающе – горячий лоб женщины, которая продолжала метаться на лавке. Повернувшись к девочке, в испуге прислонившейся к стене и держащей в руках чашку, из которой поднимался пар, Мила тихо проговорила:

– Синичка. Твоя мама... Скоро она будет среди пращуров.

Чашка выскользнула из ослабевших пальцев, осыпав половицы мелкими черепками, расплескав светло – зеленую жидкость, наполнив комнату, запахом трав.

Молодая девушка резко села на лавке, тяжело дыша. Потертая, снежно – белая, волчья шкура, скользнула на пол. Дрожащей, бледной рукой, девушка провела по лицу, устремив взгляд серых глаз, в которых застыл страх, на дверь. Снова это гнетущее чувство, снова ей казалось, что кто-то страшный и большой, похожий на молчаливого, цепного пса, был рядом с ней. И снова этот сон. Сон, который, когда – то был самой страшной былью. Только в баснях можно победить лихую болезнь. Только в баснях – найти живую воду. Только в баснях – отобрать у Тьмы дорогого человека. В жизни все не так. Синичка знала, что каждый раз, когда ей снится этот сон, что-то обязательно произойдет. И всегда не очень хорошее. Она спустила ноги в теплых, вязаных копытцах на пол. Подняла шкуру, последнюю память о матери, и накинула себе на плечи, плотнее закутавшись и поднялась с лавки. В носу неприятно щипало, заставляя ее морщиться. Собрав алые волосы, Синичка села у очага, раздувая тлеющие угли. Уже и пламя неохотно занялось поленьями, а девушка все сидела на корточках, невидящим

взглядом уткнувшись в танцующие языки пламени. Фарфорово-бледные щеки окрасились легким румянцем от жара. Пламя кидало причудливые тени на тонкий подбородок; окрашивая высокие, остро очерченные скулы; освещая глубину светло-серых, чистых, как родник глаз. Проведя ладонями по лицу, она поднялась и настежь открыла ставни, впуская в комнату аромат весны. Запах жизни. Для нее это было, как привет от дорогого человека, как глоток родниковой воды в жаркий день, как теплое рукопожатие. Синичка прикрыла глаза, вдыхая этот свежий, манящий запах как можно глубже. На ее лице расцвела улыбка, а тонкие веки, едва уловимо затрепетали. Там, где есть жизнь, нет места смерти. И нет места наваждениям ночи, когда злодейка – Морана, пытается своей когтистой рукой, дотянутся до самого сокровенного, до самого родного. Открыв глаза и поймав ладонью прыгнувшего солнечного зайчика, она опустилась на колени около стола и с силой, кулаком, ударила по половой доске. Деревяшка слегка сместилась под ее ударом, обнажив пологий тайник. С превеликой осторожностью, Синичка вытащила завернутую в холстину, старую прошитую книгу. Поджав под себя ноги, она уложила ее на колени и как величайшую драгоценность, открыла ее. Ровный, круглый почерк. Зарисованные растения. Наброски почек. Синичка прикрыла глаза и как наяву увидела свою мать. Доброе, с мягкими чертами, лицо. Теплые глаза. Радушную улыбку. Запах орехов и меда.

«Дягиль, Синичка, не только сладость. Он – лучшая трава от простуды и кашля. Ты запомнила?»

«Да, мама.»

«Мы заварим его с малиной и медом и ничто зимой, нам не будет грозить. Давай соберем его, как можно больше.»

В дверь с силой постучали и девушка, вздрогнув, резко открыла глаза, повернувшись на звук. Быстро спрятав книгу обратно в тайник, и придавив доску, она быстро оглядела место погребения своего сокровища, чтобы ничто ни указывало на полые доски, и приоткрыла дверь. Девушка на пороге, с крытыми платком волосами, нервно заламывала руки.

– Прощу тебя... Помоги... – ее голос дрожал.

Синичка открыла дверь настежь, впустив визитера. Она знала ее. Дочь мельника. Одна из немногих в деревне, кто не чурался ее. Кто не видел в ней – чудовища. А если и видел, то старательно не показывал этого.

– Что случилось, Яра? – Синичка, посмотрела на нее. Девушка уже сидела за столом, с силой сжав пальцами передник и опустив глаза.

– Отец... Он... Он не может работать на мельнице. Он повредил руку. Сильно. О жернова. – ее голос дрогнул. – А конница Кнесса, вот – вот, должна объявиться, чтобы собрать оброк.

Синичка еще мгновение смотрела на нее, и полезла в горшки. Сняв с полки нужный, она открыла крышку, и комнату наполнил запах кислых щей.

– Что это? – испуганно спросила Яра, подняв глаза на девушку.

– Борец – трава.

– Но это же страшное зелье! – вскричала Яра, прикрыв ладонью рот.

– Только не для тех, кто ее укротил. – просто ответила Синичка, набирая пригоршню в чистую холстину и пряча в пришитый к переднику карман. Все, от мало до велика, знали что Борец – Трава отпугивает самую лихую хворь и кто смог управиться с ней, смог одолеть злую траву, тому она служит верную службу, а коли не отравила незнающего человека, следует запаривать ее с кислыми щами. Сладить с такой травой очень трудно. Одно неверное движение и отравка навек вьется в кожу, погубит тело. Они вышли из дома и быстрым шагом направились к дому мельника. Утоптанная дорожка, веселой змейкой убежала вперед, в ту сторону, где стояли дома, а из труб валил густой, сизый дым. Ощеренные острыми кольями ворота тына, встретили их легким скрипом. У самых ворот, как хозяйка, приветствующая гостей, возвышалась молодая, гибкая осинка. На мгновение, Синичка остановилась, низко поклонившись ей, как будто испрашивая позволения, чтобы войти в мир людей. Это был привычный порядок вещей. Синичка уже, и сама не помнила, когда в первый раз, решила так поступить. Для нее это было что-то верное и очень правильное. Как будто и не могло быть иначе. Ей казалось, что добрые духи, живущие в деревце, проклянут ее еще больше, если она не испросит дозволения войти. Если Яре это и показалось странным, она сохраняла молчание. Гомон людских разговоров на мгновение оглушил Синичку, привыкшую к тихим, едва уловимым звукам леса. Ей казались привычными голоса зябликов, скрывшихся в густых кустах бузины, нежели ласкающие ухо, людские голоса. Пестрые толстые куры, не пугаясь звуков, сновали вдоль дороги, деловито кудахта, поклевывая что-то с земли. Вдалеке слышалось блеяние овец, стоящих в стойлах. Ржание коней. Переливчатый смех детей. Синичка чувствовала, как напряженные плечи, совсем немного, но расслабились. Она тихо перевела дух, стараясь вобрать в себя, такую обыденную для остальных и такую недостижимую для нее, жизнь. Вот уже и деревня осталась позади. И чем ближе они подходили к заливному лугу, на котором паслись рыжие, добрые коровы и все оживление слышалось течение реки, все ярче вырисовывался дом мельника. Большое колесо без устали, забирающее воду; добротный высокий, выскобленный сруб. Поднявшись по чисто подметенным, резным ступеням, Синичка, в след за Ярой, прошла в теплое светлое помещение. Заметив Синичку, сестрички и братишки Яры, с писком, как мышата, брызнули в разные стороны, только за холщовой шторкой, видны были, горящие любопытством глаза. Синичка подавила улыбку. Слегка пригнувшись, она прошла в большую комнату. На хорошо сколоченной кровати, возлежал мельник. Он был сер лицом, а к груди неловко прижимал перебитую руку. Заметив Синичку, он попытался подняться, но больная рука изогнулась, причинив нестерпимую боль и он с шумом повалился обратно на постель. Яра тут же подхватив смоченную в колодезной воде тряпицу, обтерла пылающий жаром лоб своего отца. Ее лицо обрело горестное выражение. Девушка любила своего отца. Такого доброго, такого ласкового, всячески баловавшего красавицу – дочку. Но сейчас на лице мельника не было привычного добродушия. Его глаза зло блестели, рассматривая Синичку в потрепанном, залатанном, голубом платье.

– Зачем ты привела ее сюда? – выплюнул он, устремив на дочь, обвиняющий взгляд. – Под наш кров!

– Синичка поможет тебе, отец. – едва слышно проговорила Яра, пряча глаза.

– Она принесет несчастье! Теперь домовый навсегда покинет наш дом, а духи Рода прогневаются!

– Отец! – вскричала Яра, приложив ладони ко рту, в немом испуге смотря на своего отца. Еще никогда она не видела кроткого мельника, изрыгающего проклятия.

Синичка как, будто не слыша обвинений и злых слов старого мельника, опустилась перед его постелью на колени, достав из передника холстину с зельем. Она считала, что злые слова не коснутся того, кто зла не желает. Доброта человеческая, что кольчуга, от которой наветы отскакивают подобно гороху.

– Убирайся отсюда! – взревел мельник, откинув от себя девушку. На глазах Синички выступили слезы. Она закусила губу, но меж тем, тихо проговорила:

– Я хочу помочь вам и зла не желаю.

– Мне не нужна твоя помощь, ведьма. – зло бросил он.

Синичка, отшатнувшись, будто ее ударили и резко развернувшись, вышла из комнаты. Уже почти на самой улице, ее настигла Яра.

– Прости, прости его. Он не хотел... Он...

– Я понимаю. – Синичка внимательно смотрела на нее. – Держи. – она вложила в дрожащую руку Яры зелье. – Положи траву на его ушиб, только смотри не касайся голыми руками. Она – поможет.

– Спасибо, Синичка. Спасибо тебе. – Яра крепко пожала ее руку и нырнула обратно в дом. Оправив подол платья, девушка быстрым шагом направилась прочь из деревни, к родному очагу своей избы. Подальше от людского зла, дальше от их обвинений. Туда, где скрипнут родные ступени. Туда, где теплом согреть грубая печь. Вдалеке уже показалась дверь, дорогой сердцу избы, когда в воздухе повеяло запахом мяты. Синичка всего на мгновение остановилась, а затем быстрым шагом направилась к лесу. Запах, как дикого зверя, гнал ее вперед. Туда, где раскинулись ветви сосен и осин. Мох привычно пружинил под ногами. Белки сновали сквозь густую листву деревьев. Косые лучи солнца, пробивались сквозь сплетенные ветви, отблесками озаряя, прячущиеся в высокой траве, крупные шляпки грибов. Она все острее чувствовала запах мяты. Терпкий, свежий, такой нежный, заставляющий ускорять шаг. Синичка никогда не боялась леса. Она не знала, откуда появилась эта уверенность в том, что леший не запутает тропки, известные с самого детства; кикимора не заманит в непроходимую чащу. Лес всегда был для нее единственным другом. Такой понятный и большой. Наконец Синичка, перескочив через валежник, выскочила на берег реки. Тяжелые волны с шумом набегали одна на другую и их гладкие гребни блестели в солнечных лучах. Девушка села на землю, у самой кромки воды, спиной облокотившись на поросший мхом, гладкий валун. Ее наполнял запах мяты и не в силах сдержать себя, она зарылась пальцами в нежные стебли. Бережно касалась мягких, слегка шероховатых лепестков. Она прикрыла глаза, чувствуя, как лес успокаивает, баюкает ее в своих больших, теплых руках. Ведьма. Дочь Чернобога. Сколько слов она слышала за свою недолгую жизнь? Сто, а может и тысячу. Сколько она себя помнила, они преследовали сначала ее мать, а затем и их обеих. Голову наполнял гул злых, жестких голосов, а плечи заболели, вспоминая жестокую детвору и их камни, летящие в нее. Она была чужой. Синичка знала, что они с матерью не из этих краев. От куда-то издалека. Где всегда идет снег, ветер, так колюч, что может уничтожить, и где на вершинах гор, белоснежными шапками, лежит искря-

щийся снег. Где солнце дарит свой свет, лишь раз в году, на несколько недель и снова пропадает. Далекый, недостижимый Север, где правит бал, коварная Морана.

«Почему они нас ненавидят, мама?»

«Они не ненавидят, милая. Они просто не понимают.»

«Не понимают?»

«Да. И поэтому бояться. Но мы здесь для того, чтобы помочь им. Когда-нибудь они поймут. Это наш путь, дорогая. И мы должны принимать его со смирением и добротой.»

«Но почему мама?»

«Отвечать жестокостью на жесткость? Болью на боль? Если все будут поступать так, мир утонет в крови.»

Синичка, тряхнула головой, отгоняя наваждение. Провела ладонями по лицу. Свежий, приятный запах мяты, проник в легкие, успокоил сердце, заставил улыбнуться. Откуда – то снизу, послышалось шуршание и рассерженное шипение. Синичка заглянула за камень и увидела извивающуюся змею, хвост, который застрял под камнем. Змейка была красивая. Ее чешуя отливала зеленью, а черные вкрапления, напоминали размытые треугольники.

– Подожди, змейка. Я помогу тебе.

Синичка, в одно мгновение поднялась на ноги, и оперлась на гладкий бок, попытавшись сдвинуть камень. Ноги скользили по траве не желая находить опору. Убрал с лица прядь выбившихся волос, девушка, кинулась в валежник. Все палки казались слишком тонкими или короткими. Наконец, в нескольких метрах от себя, она заметила то, что ей было так необходимо. Толстая, длинная палка, упавшая с сосны. Подхватив ее, она бросилась обратно к камню. С трудами разгребла сырую землю, протолкнула палку под камень, соорудив нечто, похожее на рычаг и с силой потянула вниз. Нехотя камень поддался, поднявшись всего на несколько миллиметров, но этого хватило, чтобы змея с шипением выскользнула из-под него. Не прошло и мгновения, как она юркнула в реку, только блеснула на солнце ядовито-зеленая чешуя.

Огонь, пылающий в золотых чашах с маслом, подвешенных под сводами, кидал причудливые тени на такие же золотые стены, искрясь, отражаясь от многогранных, блестящих драгоценных камней, врезанных в сами стены. Помещение напоминало золотую самоцветную шкатулку. Стылый воздух гулял по комнате, совершенно не мешая, сидящему на каменном троне, увенчанном золотой филигранью, человеку. Озорной огонь, заставлял его кожу, покрытую золотистой чешуей переливаться и блестеть. Он вальяжно развалился на троне, закинув ногу в высоком, кожаном сапоге на резной подлокотник. Его невидящий взгляд блуждал по залу, а длинные тонкие пальцы, перебирали гладкие, стеклянные шарики. Казалось, его ничего не волновало и ничего не заботило. Все его существо, указывало на безмятежность и скуку. Тяжелая, двустворчатая дверь распахнулась, заставив мужчину кинуть равнодушный, спокойный взгляд в ее сторону. В зал быстрым шагом вошла прекрасная юная девушка. Тонкая и хрупкая, как стебель, она изящно прошагала на середину, скрестив руки на груди. Светлые

глаза сверлили мужчину на троне, а красиво очерченные губы, растянулись в улыбке. Он резко спрыгнул с трона и насмешливо, низко поклонился, разглядывая девушку, из-за свесившихся на лицо, вьющихся волос. Стекланные шары, волшебным образом исчезли из его руки.

– Здравствуй сестра. – он выпрямился, одарив ее лукавой улыбкой и слегка повел рукой. Двери в зал с глухим ударом затворились. Девушка вздохнула, подняв глаза к потолку, впрочем, не скрывая улыбки. Она любила и восхищалась своим братом и не переставала удивляться его детским озорством.

– Здравствуй. Ты снова бездельничаешь. – проговорила она, устремив взгляд в его лицо. Мужчина на мгновение смутился, а затем пожал плечами. Этот вопрос, ему могла задать только она. Так же, как и разговаривать в такой властной манере. Она была с ним всегда. Самое близкое существо, разделяющая с ним радость и невзгоды, помогающая делать ему первые шаги к власти. Она умело вела дела, наравне с ним собирая Королевство из обломков и пыли.

– И от кого я это слышу? – на его лице все еще играла лукавая улыбка. – Серебрянка, твоя свадьба не за горами, а вместо того, чтобы готовиться, ты стоишь здесь. Неужели у невест, так мало забот? – он слегка сморщил нос.

– Достаточно. – проговорила она. – Я беспокоюсь.

– О чем? – мужчина улыбнулся и в его руке снова появились шары, которые он начал перебирать.

– Велета все еще не вернулась. – она опустила глаза в пол.

– Я уверен, она снова заблудилась. Ты же знаешь все ее причуды. – он взмахнул рукой, снова усевшись на трон. – К утру вернется.

– Она никогда не пропадала так надолго. Ты даже не заметил времени. Нужно... Нужно послать на ее поиски.

– Сам пойду. – буркнул мужчина, отводя глаза. – Я давно там не был.

– Ой, ли? – теперь настала пора Серебрянки, лукаво улыбаться.

Он хмуро посмотрел на нее, ничего не ответив, погрузившись в свои мысли. Постояв пару минут, Серебрянка тихо проговорила:

– Ладно. Я оставляю тебя наедине с твоими мыслями. Я вижу, что ты не намерен сегодня разговаривать.

Она быстро вышла из зала, затворив за собой двери. Мужчина откинулся на спинку трона, прикрыв глаза. Действительно. Он катастрофически часто выходил на поверхность. И вел себя достаточно халатно. Если так будет продолжаться и дальше, он совершит роковую ошибку. Потакая своим прихотям, он может привести своих врагов в его земли, и тогда... тогда... Он не хотел думать, что тогда нужно будет предпринять. Нужно оставить эту затею, но он никак не мог остановиться. Это наваждение сжирало его изнутри. Серебрянка выйдет замуж и тогда все станет понятным. Сразу все встанет на свои места. Он глубоко вздохнул,

снова вставая с трона. Едва уловимое движение руки заставило его скрыться в дымчато – сером с легким оттенком золота, мареве. Дождавшись пока, дым рассеется, он небрежным движением накинул на голову широкий капюшон, скрывший его лицо в тени, и оправил складки плотного, тяжелого плаща. В его руке снова появилась, на этот раз одна, стеклянная сфера и он высоко подкинул ее, заставив зависнуть в воздухе. Наполненная туманом сфера, постепенно начала завихряться, показывая зеленую, с размытыми треугольниками на чешуе змею, вползающую в глубокую щель между камней. Мужчина хмыкнул, покинув зал. Замок был пуст, и он был рад, что сможет избежать неудобных вопросов, так же, как и лжи, которую он презирал. Одно дело играть словами, а совсем иное, чистая ложь. Для него она была не допустима. Он был выше ее. Мысли мужчины кружили вокруг Велеты и ее пропажи. Когда пришла Серебрянка, он уже начал беспокоиться за свою старую няню, которую уже коснулось безумие, раз она стала так часто, не хуже него самого, выходить на поверхность, но помня о ее феноменальной способности выбираться из неприятностей, предпочел еще немного выждать. В конце – концов, Велета часто исчезала из Государства, выбираясь, и с ней никогда ничего не случалось. Как она говорила, ей не хватало жизни. Мужчина понимал ее, ведь время в Подземье, казалось, замерло и потому не сильно препятствовал. Впрочем, ему это не мешало, иной раз не находить себе места. Он слегка тряхнул головой, оглядевшись. Он был настолько погружен в свои мысли, что даже не заметил, как пересек Дворец и даже успел пройти полпути до Внешних Врат. Серебрянка всегда говорила, что у него есть только два порока: рассеянность и ребячливость, не положенная градоправителю, коим он являлся. И это не считая, маленьких грешков. Скорее почувствовав, нежели увидев движение с боку, мужчина резко развернулся, сузив глаза. Шелестение повторилось, и он неожиданно, как спущенная с тетивы стрела, юркнул в траву. Рука, затянута в перчатку, схватила что – то мягкое и податливое, и он резко вздернул вверх свою находку. В его жесткой, железной хватке, висела схваченная за шкуру, девочка – подлеточка с полными слез, глазами. Осознав увиденное, он быстро поставил ее на землю и, встав на одно колено, начал быстрыми движениями стряхивать травинки и пыль с расшитой цветами, рубашонки. Слезы на ее лице высохли, сразу после того, как она увидела, кто поймал ее таким жестоким образом.

– Что ты здесь делаешь? – проговорил мужчина, смотря ей в лицо, так же оставаясь на одном колене, смущенно думая о том, что его конспирация пропала даром.

– Господин, я ходила за льном. Посыльный Прях попросил. – она нервным движением, замызганного кулачка, утерла нос.

– И не страшно тебе было ходить в Заповедный Лес? – он по птичьё склонил голову набок. – Сколько тебе лун?

– Шесть, Господин. Началась седьмая. – девочка смущенно опустила голову, покрепче ухватившись за плетеную ручку корзинки, в которой правда, что, лежали длинные стебли с округлыми, синими цветами.

– Как твое имя?

– Лея, Господин.

– Красивое имя. А умеешь ли ты Лея, хранить секреты? – он лукаво улыбнулся, заметив возмущение, проскользнувшее по лицу девочки.

– Конечно Господин.

– Тогда, Лея, у нас с тобой будет секрет. Один на двоих, хорошо?

– С Вами? – она во все глаза уставилась на него.

– Со мной. – по его лицу все еще блуждала улыбка. – У меня есть важное дело, и я не хочу, чтобы о нем узнали.

Лея заговорщицки кивнула ему.

– Мне нельзя говорить, что я видела Вас?

– Именно. – он повторил ее жест.

– Хорошо, Господин. Я сохраню нашу с Вами тайну. – она искренне улыбнулась ему. – Я честно, честно, умею хранить секреты. – она на мгновение задумалась, а затем тихо доверительно сообщила. – Тетя до сих пор не знает, что Шторм, однажды, съел крынку сметаны, которая предназначалась на праздник Солнцестояния.

Мужчина подавил улыбку, слыша в ее словах мистический ужас. Он приложил указательный палец ко рту, показывая, что теперь и он будет хранить ее тайну. Он поднялся с колена, потрепав ее льняную макушку и снова набросил на голову капюшон.

– А теперь беги домой. Я думаю, посыльный уже заждался тебя.

Лея быстро закивала, и со всех ног бросилась в сторону города. Стараясь скрыть довольную улыбку, которая постоянно норовила вернуться на его лицо, но, все же искренне надеясь, что больше ему на пути никто не встретится, он миновал перекресток. Через некоторое время, мужчина оказался, перед истерзанной ветрами, покрытой мхом горой с широкой расщелиной. Он поднял руку, но заметив, как проход начал светиться изумрудно – зеленым свечением, быстро опустил ее, отходя на пару шагов назад. Из расщелины вышла низенькая, сухонькая старушка. Невзирая на свой преклонный возраст, она до сих пор была юркая, пряткая и очень живая. В ее глазах угадывалась вековая мудрость и в то же время озорство молодости. Вслед за ней вился зеленый, змеиный хвост с размытыми очертаниями треугольника, который уже начинал медленно растворяться в воздухе. Мужчина замер на месте с ужасом взирая на нее.

– А ты что здесь делаешь? – близоруко прищурившись, проворчала она.

– Я – то? А я... Я тебя искать пошел. Серебрянка, да и я волноваться начали. – промямлил он, уткнувшись взглядом в землю. Женщина, сощурившись, подошла к нему, высоко задрав голову, сиюсья рассмотреть его.

– Рога тебе мало поотрывать. – снова проворчала она. Рука мужчины взвилась вверх, но на полпути замерев, снова упала.

– Куда ты опять лезешь, окаянный?! Что же тебе в хоромы родных не сидится-то, а? Ни мать, ни сестра, себе такого не позволяли! Какой же градоправитель, себе непотребство такое позволяет? Ишь что удумал! Из хором родных, в бега удариться!

– Я не в бега, нянюшка. – возмутился он, а затем снова смутился. – Я тебя искать. Ну и прогуляться немного.

– Ишь ты! Все ему гулять! А то я не знаю, как часто ты гулять отправляешься! А ну наклонись!

Тяжело вздохнув, он встал на одно колено, оказавшись одного роста с женщиной и низко склонил голову. Она откинула его капюшон и прислонилась губами к его лбу.

– Прости старую Велету, дитяtko. Иди, отдохни. Постарайся только беду на себя не накликать.

Он с благодарностью поглядел на нее и встав на ноги, резко кинулся в проход, только взметнулись за спиной тяжелые полы плаща.

Глава 2

Удерживая в руке пучок мяты, вперемешку с васильками, наполненная радостью Синичка, вышла из леса. По поляне, близ ее дома, припадая на передние лапы, пробежала красавица лисица. Ее острые уши всего на мгновение взвились вверх, она обернулась на девушку, слегка повела носом и снова отвернулась, продолжив свой путь. Зверье уже давно привыкло к своей странной соседке и часто не обращало на нее внимания. Вдалеке пели птицы. Синичка подняла вверх голову, прикрыв глаза, чувствуя, как по губам расплзается улыбка. Но неожиданно она нахмурилась и бросила быстрый взгляд в сторону селения. Казалось, сам воздух стужился, и в нем почудилась угроза. Подобрав юбку, она бегом бросилась в сторону деревни. Рассудок утверждал, что ей необходимо отправиться домой, закрыв дверь на все засовы, душа же рвалась к людям в жажде помощи.

«Это наш путь, дорогая.»

Слова матери, испуганной пичужкой, бились в голове, заставляя ноги бежать на пределе своих возможностей. Вот уже и колючие стены тына, и родная осинка. На мгновение остановившись, она еще раз поклонилась и юркнула за ворота. Там, где располагался колодец, в самом центре деревне, Синичка увидела взметнувшиеся вверх клубы пыли. Они могли появиться только от копыт коней. Отроки кнесса прибыли за оброком. Эта мысль заставила ее кожу покрыться липким, холодным потом. Она бросилась туда, где слышались голоса и громкий, грубый смех. Девушка протиснулась сквозь толпу, ненароком задев высокую фигуру в черном плаще с капюшоном, даже не заметив этого. Люди кнесса – пять безусых отроков – вовсю бахвалились, радуясь своей удали, стрелами пригвоздив пеструшку к ближнему забору. Деревенские, опустив глаза в землю, молчали. Что они, простые крестьяне, против вооруженных людей кнесса? Они впятером, могли положить половину деревни. Старейшина, большой, одутловатый с густыми седыми усами до самого пояса, выступил вперед, протянув одному из молодцов, тяжелый холщовый мешок, перевязанной тесьмой. Оброк принял его, взвесив на ладони и удостоверившись в том, что мешок наполнен, передал другому. В усмешке сверкнули белоснежные зубы, и тяжелый сапог поднялся, толкнув старейшину в грудь, от чего тот повалился навзничь. Два его сына, тут же бросились с места, помогая ему подняться.

– Всем ли довольны, светлые господа? – спросил старейшина дрожащим голосом, поддерживаемый с двух сторон сыновьями.

– Довольны, да не сильно. – проговорил ближайший отрок. – Нам бы дев еще для жаркого ложа. – он расхохотался, поддержанный своими товарищами, а по деревенским прошла дрожь. Неожиданно отрок, ударил пятками своего коня, и схватил за волосы, стоящую поодаль Яру. Увидев такое непотребство, не задумываясь о последствиях, не думая, о том, что она хрупкая и маленькая, цыпленок желторотый против них, Синичка кинулась к отроку, вцепившись в его запястье. Удивленный неожиданным нападением, больше похожим на комариный укус, ослепленный уязвленной гордостью, он отпустил Яру и с силой ринул Синичку на землю. Вверх взвилось копьё, и девушка закрыла лицо рукой, крепко зажмурившись. В воздухе пропела стрела и тень копьёя, занесенного над ее головой, пропала. Девушка аккуратно приоткрыла глаза, оглянувшись. Деревня замерла в немом ужасе. Рука отрока, была пригвождена стрелой с яркими перьями к толстым стенам сруба, а над испуганной девушкой, зависла одетая в черный плотный плащ с широким капюшоном, фигура, протягивающая ей руку, затянутую в такую же черную перчатку. Девушка аккуратно вложила дрожащую ладонь

и быстро поднялась на ноги. Заметив за спиной неизвестного спасителя занесенный меч, она открыла рот, желая предупредить, но не успела этого сделать. Резким броском, фигура развернулась, и меч отрока встретился с внезапно появившимся длинным, тонким мечом в его руках. Синичка замерла, казалось, даже забыла, как дышать. Она не заметила, как в немом ужасе застыла деревня, полностью сосредоточившись на том, как искры сыпались от столкнувшихся мечей, как легко, подобно дикому коту у которого под шкурой не заметишь костей, в смертельном танце блистающего клинка, сражался ее спаситель. Отроки падали один за другим, а с головы незнакомца даже не соскользнул капюшон. Но наконец, звуки стали остановились. Снова послышалось кудахтанье пеструшек, вдалеке призывно мычали коровы, хрипло каркнув, в небе пролетела ворона. Синичка медленно подняла глаза, стараясь разглядеть, скрытое в тени капюшона лицо, и в ту же секунду, боковым зрением, увидела, как взметнулся меч, умирающего отрока. Девушка вскрикнула, вытянув вперед руку, стараясь упредить, пока смертельное лезвие, не уязвит ноги ее спасителя. Но в тот момент, когда лезвие коснулось черной ткани, плащ с шумом опал и на том месте, где только что стоял человек, который сражался за ее жизнь, осталась пустота. Деревенские качнулись, по толпе пробежал ропот, и в тот же момент, визгливый женский голос, прокричал:

– Ведьма! Ведьма! Кнесс прознает, отправит своих людей и нам не будет жизни! Все из-за ведьмы, проклятой!

Как во сне Синичка увидела, повернутые к ней, жесткие искривленные лица. Как во сне, она слышала гомон людей, обвиняющих ее в колдовстве и том, что теперь люди кнесса пережут всю деревню. Как во сне, она увидела жадно тянущееся к ней руки. Подхватив юбку, она стремительно бросилась вон из деревни, только взметнулась за спиной ярко-алая коса. Сзади она слышала глухой топот, преследующих ее людей. Выбежав за ворота тына, она зайчиком кинулась в лес, в спасительные объятия деревьев. Туда, где ее не найдут. Туда, где ласковые руки утешат и обогреют у весело горящего огня.

– Нянюшка, я совершил ошибку. – мужчина, сгорбившись сидел на полу, обхватив голову руками и свет огня кидал отблески на золотую чешую. – Я вмешался в жизнь людей.

Над ним стояла Велета, скрестив руки на груди.

– Ишь окаянный, я же предупреждала тебя! Не накликай беду на себя, а ты что? Дед твой на поверхность не лазил за всю свою жизнь! Мать – только по необходимости, травы какой собрать, а ты? Горе, ой горе... – женщина покачала головой, сурово смотря на него.

– Нянюшка... – жалобно протянул он, сильнее сжав голову руками. Велета вздохнула и опустила суховатую, с тонкой сетью вен, ладонь на его голову. Ласково провела по вьющимся волосам. Дитяtko до сих пор не разумное, самое любимое. И не хотела она думать, что из мальчишка в широкой рубашонке, давно он стал уже взрослым мужем. Все хотела его защищать от бед да напастей. Она опустилась на колени перед ним.

– Не кори себя, дитяtko. – тихо проговорила она. – Все на свете случается. Они видели тебя?

– Нет, нянюшка. Но они могли понять. Они во всем обвиняют нас, всегда. Тебе ли не знать об этом, нянюшка?

Она молчала, и все так же ласково гладила его по волосам, утешая.

– Матушку погубили... – тихо проговорил он.

– Они не все такие, дитятко.

– Я знаю.

В двери постучали, и он быстро взвился на ноги, подняв с колен и Велету. Выпрямился и ровно и сухо проговорил:

– Войдите.

В зал вошел мужчина с тяжелым, костяным копьём наперевес и, остановившись, низко склонил голову:

– Господин. Вирго ждет Вас для аудиенции. Она в главном зале.

– Отлично. Ты свободен. – сухо проговорил золотокожий мужчина, небрежным взмахом руки, отсылая прочь. Как только двери закрылись, он вопросительно уставился в лицо Велеты.

– Ступай, дитятко. – старушка улыбнулась ему. – Негоже всем знать, что находится на твоём сердце. Думается мне у Серебрянки есть для тебя новости.

Преодолев несколько коридоров, он замер напротив тяжелых деревянных дверей, и всего мгновение, помявшись у них, одним движением распахнул. Серебрянка сидела за столом, но, только увидев брата, тут же встала на ноги. На ее губах расцвела улыбка. Он застыл, во все глаза рассматривая ее. Тонкой работы, белое подвенечное платье искрилось и переливалось в мягком свете огня. Искусная вышивка спускалась от талии до самого подола. Мягкое кружево рукавов, казалось невесомым.

– Ты прекрасна, сестра моя. – он пружинистым шагом подошел к ней, критически оглядывая со всех сторон. – Корольку досталось настоящее сокровище.

Щеки Серебрянки покрылись легким румянцем, и она опустила глаза, даже не стараясь скрыть счастливой улыбки.

– Но я бы добавил... немного бархата. – он прищурил один глаз. – Или... – он движением руки, заставил девушку повернуться к нему спиной. – ...добавил золота.

Неуловимым движением, он вытянул откуда-то из рукава шелковую ленту и обернул ею, шею Серебрянки, которая через мгновение обратилась в изящное, золотое украшение. Девушка коснулась его и резко развернувшись, встав на мыски, поцеловала брата в щеку.

– Спасибо.

Он пожал плечами, спросив:

– До летнего солнцестояния осталось два дня?

– Да. И я наконец-то стану мужней.

– Как будто тебя это заботило. – он фыркнул.

– Не просто быть сестрой правителя. – она лукаво улыбнулась. – Мало охотников до такого счастья. Но я вижу ты печален. Что – то случилось?

– Случилось? – он удивленно посмотрел на нее. – Нет. Все в порядке.

– Ты меня обманываешь. Я же вижу.

– Я... Я просто устал. Мне, я думаю, стоит отдохнуть. – поспешно ответил он, пятась к двери. – И, да, мне тоже стоит подготовиться к твоему венчанию. Я, пожалуй, пойду. Предложи ткачихам пустить бархатную оторочку на платье. Оно будет очень красиво смотреться. – он уже был у самых дверей.

– Полоз!

Он быстро закрыл дверь, чуть ли не бегом бросившись в свою комнату от всевидящего взгляда сестры.

Задыхаясь, Синичка выскочила на поляну и, споткнувшись, растянулась на траве. Повернувшись, она лицом уткнулась в густую зеленую траву, вдыхая запах земли, стараясь унять рвущееся сердце. Тело, казалось, до предела натянутой тетивой, а сбившиеся дыхание, неровными толчками выходило из груди. Ей все еще слышались гневные оклики людей, и ненависть, чернее самой мглы, старалась накрыть ее саваном. Она зарылась пальцами в траву, прося помощи и защиты, у того, кто никогда ей не отказывал.

«Синичка, лес – наш кормилец, наш защитник, наш лекарь. Он наш добрый друг и отец. Он никогда нас не обманет, не придаст и не отдаст. Уважай его, и он никогда тебя не обидит.»

Постепенно Синичка успокоилась, не слыша топота преследователей, расслабилась и села в траве, оглядываясь. В небе с легким стрекотом пролетела сорока, в траве копошились букашки, неподалеку, в луже пела лягушка. Ветер шелестел в кронах деревьев, и девушке казалось, что лес говорит ей, что бояться нечего. Что все позади, и все страшное кончилось. Кусты вереска зашевелились, и Синичка вскинула глаза. Тонкие ветки разошлись, и на полянку вышла сторбленная, низенькая старушка, опирающаяся на сучковатую палку. В ее старых, морщинистых руках была зажата корзинка, в которой красовались, блестя шляпками, грибы. Тонкая серая накидка волочилась за ней, и казалось, сами деревья подбирают корешки, чтобы не зацепится за нее. Седые волосы были связаны в узел и в них виднелись тонкие, с молодыми побегами ветви. Синичка поднялась на ноги, со всех ног кинулась к старушке, которая раскрыла ей свои объятия.

– Бабушка. – девушка уткнулась в ее плечо, крепко обняв.

Старушка меж тем, молчала и проводила шишковатой рукой по ее волосам. Синичка почувствовала запах мха и свежих трав. Такой родной и дорогой. Ее звали Вирь – ават. Знахарка, колдунья, отшельница, Дух Леса. В деревне ее звали по-разному. И пугали ее именем детей, наравне с лешим и болотником. Кто – то говорил, что она пришла с Севера, кто-то с Юга, кто-то с Запада. Точно не знал никто, но все соглашались с тем, что она была – злом, приспешницей Мораны. Синичка помнила их встречу, как будто она произошла вчера. Помнила дождливое хмурое небо. Помнила быстро бегущую речку. Помнила траву, на которой блестели капли воды. Она, еще совсем маленькая, сидела на берегу, на откосе, смотрела на блестящие волны, и думала о русалках. О прекрасных, юных девах с рыбьими хвостами. О том, как рассекая простор, блестящими плавниками, они резвятся в воде и доставляют радость водяному. Она слышала их серебристый, залиvistый смех, видела играющую на свету, разноцветную чешую, и длинные развивающиеся волосы. Она хотела к ним, ведь единственный на всем белом свете человек, ушел в заоблачный Ирий и помогает Великой Матери шить новые шкурки животным. Синичка помнила, как встала и сделала шаг, смотря вниз на воду. Чувствовала босыми ногами, мокрый холодный песок. Помнила, как занесла ногу над обрывом, не страшась высоты. И в то мгновение, из леса, так же, как и сегодня из кустов вереска, опираясь на палку вышла Вирь – Ават. Успокоила, обогрела нерадивое глупое дитя. Стала ее наставницей, родным, близким человеком. Но у себя не оставила, сказала, что она должна жить среди людей, а не промеж диких зверей. Говорила Вирь – Ават о себе мало, все больше мастерству обучала. Как хозяйкой хорошою быть, как травами ведать, как лес своим другом сделать.

– Что, утенок? Люди злые обидели? – Синичка услышала над своим ухом сухой, дребезжащий голос.

– Не обидели. Напугали.

– Пойдем в дом, девочка. Ты устала, а там все и расскажешь.

Синичка с благодарностью кивнула ей, взяла из рук корзинку и последовала за старушкой в лесную чащу.

«Мама, почему меня зовут Синичкой?»

«Синичка – маленькая, умная, юркая птичка. Добрая, ласковая, проворная. Когда я была маленькая, дед рассказывал мне баснь. Очень давно, так давно, что об этом уже и не помнят, когда на земле было два солнца и две луны, жили два брата. Старший брат был очень ленив, весь день лежал на лавке, пока младший сажал и выращивал на поле пшеницу. Однажды, рано поутру, младший брат, как и всегда, отправился на поле и увидел, что весь посев погиб. Со склоненной головой, вернулся домой, где брат жестоко обругал его. Нечего делать, до зимы осталось всего ничего и, закинув на плечо мешок, младший брат отправился на Юг, чтобы найти пропитание. Долго шел он, не останавливаясь, и вышел к подножию толстой лиственницы, поднимавшейся до самого неба, а у подножия этой лиственницы, насколько хватало глаз, простирались посевы. Да такие они были богатые и пышные, что младший брат тут же начал собирать их в свой мешок. Когда он его уже полностью заполнил, и думал о том, как обрадуется его брат, услышал он трепыхание маленьких крыл. Обошел лиственницу кругом и увидел маленькую, синюю птичку, запутавшуюся в силках. Пожалел младший брат птичку маленькую, освободил ее. Благодарная птичка, поведала ему, что посевы эти, никого – то, а колдуна, злого,

страшного и опасного, который живет за облаками на самом верху дерева. Упредила уходить поскорее. Неожиданно поднялся сильный ветер, небо закрыло тучами, черными, как сама ночь. Подхватил вихрь птичку, и поднял на самый верх за облака. Понял юноша, что происки это, колдуна злого. Мигом закатал рукава, и начал подниматься по стволу лиственницы. Три дня и три ночи, он карабкался по древу и наконец, выбрался на большую, каменную площадку и увидел золотую клетку, в которой сидела, маленькая синяя птичка. Не успел он и шага сделать, как снова поднялся ветер, и перед ним оказался большой, крылатый змей. Понял младший брат, что это и есть колдун. Долго боролись они, не ведая усталости и наконец, юноша поразил колдуна. Открыл клетку, выпустил птичку. Взмыла она в небо, ударилась о землю и стала прекрасной девушкой. Как увидел ее младший брат, так и влюбился. Девушка поклонилась ему, поблагодарила, да и поведала, что всегда помогала людям, приносила по колоску, чтобы урожай хорошим был, пока не узнал об этом колдун и не поймал ее в силки. Пообещала быть ему верной женой, в любви и горести рядом быть. Заключил ее младший брат в объятия, подхватил на руки и спустился с драгоценной ношей на землю. С тех пор они жили – поживали, да добра наживали. Та птичка, Синицею была названа. И род мой Синичьим величали. Все дети Синиц разлетелись кто куда по свету, уже и не найти их. Одни мы с тобой остались.»

В лесной глуши, меж большими корявыми соснами, скрытая от глаз стояла ветхая избушка. Скрипнула, на разохшихся петлях дверь, пропуская хозяйку домой. Синичка поставила корзинку на пол, разожгла огонь в очаге и села на лавку. Она давно не была здесь, но, кажется, что все осталось как прежде. И очаг, и лавки, и ветхий стол. Так же на потолке висели собранные в пучки травы и ветви. На тех же местах стояли горшки и тарелки. В том же углу, прислоненная к стене, стояла метла. И все так же, домовый глядел глазами – бусинками, усмехаясь в густую бороду с самой верхней полки. Вирь – Ават, меж тем поставила на стол две глиняные чашки, полные сушеной травы и заварила их кипятком. По избушке поплыл запах чабреца и ромашки.

– Ну что, утенок? Попыталась на свою беду, дочь мельникову спасти?

– Попыталась, бабушка. – Синичка опустила голову всего на мгновение, но затем быстро подняла. – Там мужчина был. Он личину свою скрывал. Он спас меня, бабушка.

– Знаю, знаю. – пробормотала старушка. – Слышала я о нем, очень давно. Пришлый он.

– Он исчез, как будто его и не было. Как будто морок навел. На колдовство похоже. Жители деревенские решили, что я так беду на них накликала.

– Морок может быть и был, но не злое это колдовство. Древнее просто. Дух это, утенок.

– Как же мне домой-то, бабушка? – Синица подняла на нее глаза.

– А не ходи пока туда. Здесь побудь. Чай забудут о тебе, времени пройти дай. Не ты первая, не ты последняя, кого ведьмой кличут, утенок. Время пройдет, сами помощи твоей искать станут. Бояться, но искать.

– Бабушка, но я не хочу, чтобы меня боялись.

– Без этого никак. Без этого никак.

Старушка села напротив нее, взяв в руки чашку и прикрыла глаза, вдыхая аромат заваренных трав. Синичка молчала и смотрела, как в горячей воде плавают маленькие, продолговатые, белые лепестки. И думала о том, что и сама она как эти самые лепестки, без дорог и троп, крутится, не ведая ни цели, ни предназначения.

Глава 3

Холодные, каменные стены. Скапывающая со свода вода. Кристаллы, вросшие в камень, сияющие голубым светом. Эхо шагов, усиленное в сто крат. Остановившись у сплошной каменной стены, Полоз провел по ней рукой. С глухим рычанием, неохотно, стена отъехала в сторону, открыв проход. Нырнув внутрь, он остановился, слегка склонив голову, слыша, как стена снова встала на свое место. Он оглядел помещение, сквозь завесу вьющихся волос, отмечая неизменность. Казалось, время застыло в этом месте. Тускло чадили вечно горящие факелы, отбрасывая на влажные стены причудливые тени. Он помнил, как отец, впервые привел его сюда, чтобы он принял посвящение. Чтобы он стал полноправным наследником. В тот день, ему предсказали великую судьбу. Предсказали, что его деяния войдут в историю. Что он будет одним из Великих Крылатых и род его заслужит почести, коих не было прежде. А он, еще юнец, вполуха слушал и то и дело поглядывал на тени, которые завораживали его. Казалось, что эти влажные стены дышат, едва уловимо шепчут о чем то, что он пока еще не в силах понять. Он молчал, чувствуя, как эти стены, снова, как и тем далеким прошлым вводят его в состояние близкое к трансу. Глубокую тишину нарушал лишь неясный стрекот маленьких крыльев, да тихий скрип. Как и в прошлый раз, он поднял глаза наверх. Под сводом, на всем полотне, висели маленькие и большие, грязно-белые коконы и тонкие нити, идущие от них, тянулись к старым жужжащим прялкам. Три согбенные фигуры сидели спиной к нему, не обращая на него внимания. Мужчина терпеливо ждал, не двигаясь, замерев на месте, стараясь даже не дышать. Пряхи. Теларум, Фейт и Фило. Те, кто знают все и даже больше. Без благословения которых не вершится ни одно важное дело. Жизнь в Подземье текла медленно, размеренно, и это был второй раз, когда ему пришлось обратиться к помощи прях.

– Алатум Полоз. – проговорила одна из них, оборачиваясь.

Узкое, покрытое бледной чешуей лицо. Ярко – зеленые глаза с вертикальным зрачком.

– Ты пришел. – проговорила вторая.

Ярко – синие глаза блеснули.

– За благословением или предсказанием? – спросила третья, впившись ярко – бирюзовыми глазами в его лицо.

– И за тем и за другим. – мужчина выпрямился, переводя взгляд с одной на другую. Абсолютно одинаковых, различающимся только цветом глаз. Несмотря на то, что они повернулись к нему, колеса прялок ни на мгновение не останавливали свой бег. Не в силах выдержать молчаливый, пустой застывший взгляд, он слегка повернул голову, уставившись на колеса прялок, в спицах которых отражались отблески факелов. Они были здесь сколько он себя помнил. Ни разу они не выходили из своей пещеры, не покидали насиженного места. Древнейшие из змей.

– Вирго уже давно следовало стать мужней. – проговорила Фило.

– Мы даем свое благословение. – ответила Теларум.

Всего мгновение они молчали, лишь оглядывали его с ног до головы и казалось оценивали.

– Алатуму тоже следует жениться. – неожиданно сказала Фейт. – Твоя трехсотая луна, уже давно наступила.

– Народу нужна свежая кровь. – подхватила Фило.

– Роду продление. – закончила Теларум.

– Это может подождать. – сухо проговорил Полоз, встречаясь взглядом с одной из них. – Сейчас на первом месте Вирго.

– Не тебе, Алатум, спорить с судьбой. – Фейт хрипло рассмеялась. – А Вирго уже скоро выполнит свое предназначение.

– Больше нам нечего тебе сказать.

– Ты сам поймешь, когда тебе снова прийти.

– И произойдет это быстрее, чем ты думаешь. А теперь ступай.

Полоз фыркнул, повернувшись к ним спиной и снова провел рукой по каменной стене, заставляя ее открыться. Заложив руки за спину, он рассеяно перебирал в ладони стеклянные шарики. Их туманные недопредсказания, сводили его с ума. Единственное, что заставило его смутиться, так это предсказанное возвращение в ближайшем будущем. Вопросов он не имел и вряд ли в скором времени они появятся. Он не любил это место. Находясь там, мужчина чувствовал себя слабым, все тем же мальчишкой, который боялся смотреть в их глаза. Он тряхнул головой. Не об этом сейчас нужно было думать. Приближалась полная луна, и на первом месте стояло замужество сестры, и только оно. По обычаю, Вирго должна выйти замуж на поверхности, в дали от людских глаз.

– Полоз!

Он поднял голову, слегка прищурившись. К нему на встречу шла Серебрянка, такая прекрасная, такая счастливая. Полоз даже не старался подавить улыбку.

– Ты нарушаешь законы, сестра. – серьезно проговорил он, но тут же лукаво улыбнулся ей.

– Когда твой брат, великий правитель, можно один раз попрасть законы.

– Я не великий. – он склонил голову на бок. – Пока не великий.

Она поднялась на мысках, дотронувшись прохладной, узкой ладонью до его щеки.

– И обязательно станешь им. Ты задумчив. Все в порядке?

– Я был у прях. Они благословили твой брак.

– Полоз, это же прекрасно! – она кинулась к нему на шею, счастливо смеясь.

– Иного я и не ожидал. – он слегка улыбнулся и отвел взгляд.

Девушка отстранилась от него, а ее улыбка медленно увяла. Неожиданно, она резко вскинула голову, ее глаза блеснули и не говоря ни слова, Серебрянка схватила его за руку, потянув за собой.

– К... Куда мы идем? – спросил мужчина, покорно следуя за сестрой.

– Увидишь. – на ее лице снова заиграла загадочная улыбка.

Подобрав юбку, девушка со всех ног кинулась бежать по ярко освещенному, извилистому коридору. Полозу ничего не оставалось, как поддаться ребяческой затее сестры и фыркнув, броситься следом. Задыхаясь от быстрого бега, вперемежку со смехом, девушка остановилась только на середине винтовой башенной лестнице.

– Серебрянка. – вынырнув из темноты позвал мужчину.

Она на мгновение повернулась, приложив указательный палец к губам и стала подниматься вверх по ступеням, цепляясь за покрытые золотом перила.

– Постой! Что за ребяческая авантюра? Серебрянка!

– Мне кажется или я слышу грозного правителя? – ее голос эхом отдавался от стен.

Фыркнув, Полоз отправился следом, нагнав ее у маленькой, почерневшей деревянной двери. Девушка толкнула ее, выйдя на покатую черепичную крышу. Раскинув руки, балансируя, она прошла к самому стоку и опустилась на холодную поверхность, поджав под себя ноги и расправила подол платья. Не прошло и минуты, как Полоз уселся рядом, сторбившись, обхватив лодыжки руками и опустив подбородок на колени. Его взгляд медленно блуждал по окрестностям. Под косыми лучами закатного солнца, буйным красным оттенком, высились простирающиеся на много миль окрест, пышные кроны деревьев. Покачивались на легком ветру колосья пшеницы и льна в поле. Холодной, каменной, обласканной ветрами громадой, высились Внешние Врата. Аккуратными рядами, кровля к кровле, забором к забору, стояли, похожие один к одному, дома, сложенные из крупных камней. Цветущие яблони в садах. На мощенной круглой площади, в середине которой бил окруженный камнями фонтан, слышался детский смех, скрип телег, возгласы женщин и мужчин. Его народ и его мир.

– Как в детстве, правда? – Серебрянка подняла глаза к небу, улыбаясь. – Помнишь, как мы убегали сюда? Это было только наше место.

Полоз молча кивнул.

– А помнишь, – продолжила девушка. – ты постигал мудрость владения мечом? Тогда наставник обидел тебя, сказав, что ты настолько слаб, что не можешь удержать меч и ты здесь тренировался три дня, не показываясь никому на глаза, чтобы одержать над ним победу? Ты так усердно тренировался, что у меча отвалился черенок и лезвие попортило всю черепицу. – она хихикнула.

– И я потом, столько же дней, пытался привести ее в порядок, потому что начался сезон дождей. – он усмехнулся. – И воды натекло столько, что затопило комнату Велеты.

– А помнишь ты соорудил странную трубу, чтобы ближе видеть звезды? Стоило до нее дотронуться, как она тут же развалилась. – она снова хихикнула.

– Просто кто-то – неумеха. – мужчина с достоинством поднял подбородок.

– Кто-то постоянно отвлекался. – Серебрянка лукаво посмотрела на него. – А яблоки, которые мы утащили из ближайшего сада? Прodelка-то мизерная была...

– А отец потом сказал, что из меня никогда не будет толка. – он усмехнулся. – Правда, потом забрал свои слова назад.

Девушка снова подняла лицо к небу, прикрыв глаза:

– Наши завтраки, сказки и истории. У нас не было друг от друга секретов.

– У нас и сейчас их нет. – Полоз удивленно посмотрел на нее.

– Тогда объясни, что у тебя на душе? – она повернулась к нему.

Он отвернулся, отрицательно покачав головой и уставился на свою ладонь, в которой возникли зеркальные шарики.

– Ты нервничаешь, Полоз. Я могу помочь тебе. – Серебрянка аккуратно накрыла рукой его ладонь, крепко сжав.

Не отрывая взгляда от их сцепленных рук, он тихо проговорил:

– Ноша оказалась не сильно тяжела.

– О чем ты? – девушка нахмурилась.

– Наш край гибнет, ты знаешь это. Я чувствую, что темнота наступает и не знаю, как помочь своему народу.

– Но Древо... – она с силой сжала его руки.

– Древо осыпается.

Он почувствовал, что ладони Серебрянки стали холодными, как лед.

– У нас не очень много времени. От силы, полвека. Нужно искать выход, но я вижу только один. Поверхность. – он говорил сбивчиво, запинаясь, пытаясь объяснить все, что чувствовал, сестре. – Они по всюду. Они нас не примут. Даже если мы замкнемся, построим свой чертог, они нас найдут и... – он провел ладонью по волосам. – Я не понимаю, что делать.

– Ты часто выходишь на поверхность, не ужели там нет места для нас?

Он отрицательно покачал головой:

– Ты говоришь так же, как когда-то говорила мать. Я устал, Серебрянка. Я плохой правитель. Я не в силах спасти свой народ.

– Послушай меня, Полоз. – она дернула его, заставляя повернуться к ней. – Ты очень хороший правитель. Ты мудр, честен, благороден и справедлив. И в твоих силах сделать все, что ты хочешь. Я верю в тебя. Слышишь меня?

Он молча кивнул.

– Послушай. – продолжила девушка. – Нужно задать вопросы Пряхам.

– Я не понимаю их. Ни одно, заметь из двух предсказаний, я не смог расшифровать.

– Из двух? Когда было сделано второе? – она слегка нахмурилась.

– Сегодня. – буркнул мужчина. – Сказали, что мне пора жениться.

– Может быть... – осторожно начала девушка. – ... как раз женитьба, ключ к проблеме? Он скептически посмотрел на нее, скривившись.
– Сотни змеиц с радостью выйдут за тебя замуж...
– Точнее за мой трон. – он фыркнул, тряхнув волосами.
– Предсказания Прях сбываются всегда. И если они заговорили об этом, значит скоро... – она замолчала, прикусив губу, заметив его хмурый взгляд. – Прости, но...

Он отвернулся, прищурившись, смотря на солнце. Несколько минут он молчал, а затем не глядя на сестру, спросил:

– Серебрянка, скажи, ты любишь Королька?
– Д... да... – ответила девушка, непонимающе глядя на него.
– Вот и я хочу любить.

Полоз встал на ноги, отряхнув штаны и подал ей руку.

– Пойдем. Сегодня мы выйдем на поверхность. И ты станешь мужней, моя дорогая Вирго.

Синичка блаженно потянулась, улыбаясь сквозь сон. Повернувшись на бок, девушка уткнулась носом в теплую, медвежью шкуру. Сейчас ей было спокойно. Злые сны ее не беспокоили, хотя она и знала, что скорее всего это ненадолго. Когда – ни будь они вернуться. Но не сегодня. Сейчас все казалось простым, радостным и легким. Она зарылась пальцами в мягкий, пушистый мех, крепко сжав его. Вирь – Ават умела предсказывать будущее. Вчера они окружили часть земли перед домом камнями, и жгли внутри круга ольху и мяту, в дыму угадывая фигуры перемен. Синичка не могла постичь эту науку, да и не особенно стремилась. Духи Будущего грозны, куда ей тягаться с ними. А старушка не боялась. Синичку ждали перемены, большие, как грозовая туча, а уж счастливыми они будут, или же наоборот, будет зависеть от того, под каким углом она на это посмотрит. Это обнадежило девушку, как глоток ледяной воды в жаркий день. Заслышав тяжелое, прерывистое дыхание, Синичка резко поднялась, широко распахнув глаза. Рука Вирь – Ават безвольно повисла с лавки. Поднявшись на ноги, девушка в одно мгновение пересекла комнату, испуганно уставившись в лицо старушки. Она была бледна, черты лица заострились. Дрожащей рукой, она убрала взмокшие волосы со лба Вирь – Ават. Старушка горела огнем, а сердце, испуганной птицей, билось в ее груди. Синичка кинулась к стоящему на столе кувшину, полному воды, и постаралась напоить знахарку. Но ее губы были плотно сжаты. Оторвав от подола изрядный лоскут, она смочила его в воде, положив на ее лоб, стараясь прогнать жар.

– Подожди, подожди. Я сейчас...

Девушка бросилась к шкафу, где Вирь – Ават хранила травы. Вскрыла все горшки, проверила все вязанки, но темно-красного, сплюснутого корня нигде не было.

– Лишь солнце встанет по утру,

И пряхи нити протянут...

Заслышав голос Вирь – Ават, девушка, оставив вскрытые горшки, бросилась к ней. Старушка металась по кровати и что-то неразборчиво бормотала.

– Твой путь страшнее злой метели,

Лежит туда, где снег и лед...

– Бабушка... – жалобно проговорила Синичка, – Бабушка, я сейчас вернусь, я принесу...

Девушка снова опустила тряпочку в ледяную воду, выжала, положила ее на лоб старушки, и кинулась за дверь, схватив со стола маленький, резной нож. Подхватив подол платица, она со всех ног бросилась в сторону болот. Роса на траве, холодила босые ноги, а ветви деревьев, казалось, подгоняли ее. Перемахнув через валежник, не сбивая бега, она проскочила между двумя березами, и зайцем запетляла меж стволов. Коса распустилась, лента, вплетенная в нее, потерялась где-то в дороге, и волосы падали на лоб, забивались в рот. Наконец деревья начали редеть, и девушка выскочила к самой кромке болот. Над ними стелилась хмарь, не давая увидеть не зги под ногами. Стиснув зубы, она, без страха вступила на кочку. Одна, вторая, третья. Она помнила, что где – то здесь, где – то рядом, на маленьком островке посреди болота, растет лютая трава, которая может победить любую хворь. Змеиный горец.

«– Смотри, Синичка. Это Змеиный Горец.

На ладони матери, лежало тонкое растение с большими листьями. Мелкие, розовые, собранные в плотный колос, цветочки, поникли.

– Нам нужен корень. Он способен прогнать любую хворь. Излечить тело изнутри.

Аккуратно, она отрезала от цветка толстый, сплюснутый, темно-красный корень.

– Его нужно мелко нарезать, запарить в воде, и настойку эту пить. Запомни, растет он только на болотах.

– Мама, почему его называют Змеиным?

– Когда – то давно, еще когда мир был молод и юн, большой, крылатый Змей, украл у Перуна невесту. Красавицу Ладу. Узнав о потере, Перун пустился в погоню. Грозный Бог догнал Змея у самого входа в его подземное царство. Он смог забрать у него свою любимую, но Змея жестоко покарал. Три дня и три ночи, Перун гнал Змея по сизому небу, и рубил его своею секирой. Боги бессмертны, крылатый Змей не погиб, но кровь его рассеялась по всей земле. И из крови его, в память о его любви к Ладе, появился этот цветок.

– Мама, но зачем Перун хотел убить Змея? Он же мог его только наказать.

– Он – зло, моя девочка. Страшный, коварный и злой. А зло, нужно искоренять. Что Боги и делают.»

Маму тот корень не спас, но может быть он спасет Вирь – Ават. Синичка выскочила на островок и сквозь плотную пелену тумана, увидела колосящиеся розовые цветочки. Встав на колени, девушка аккуратно разрыла цветок, вытащив его из земли и срезала корень. Поблагодарив его за помощь, она положила цветок в воду, напитать стебель влагой, что бы снова полезли новые побеги, и аккуратно присыпала ямку. Положив корень с ножом в карман передника, она утерла лоб рукой. Неожиданно ее привлек странный звук. Казалось, где-то играла свирель веселую, нежную мелодию. Она привстала на коленях, силясь что-то рассмотреть в тумане. Этот звук звал ее, казался ей знакомым и добрым. Она встала на ноги и медленно

пошла в сторону музыки. Она скорее почувствовала, нежели увидела, легкое шевеление под ногами. Опустив глаза, Синичка разглядела извивающиеся, гладкие тела. Змеи. Самых не мысленных расцветок. Зеленые, черные, серые, синие. В крапинку, полосатые, с зигзагами. Сви-рель пела уже совсем близко. Туман слегка рассеялся, обнажив: покрытые сочным, зеленым мхом кочки; розовые, искрящиеся цветы Горца; рыжие ягоды морошки. Девушка чуть сузила глаза, стараясь различить движение впереди. Легкий ветер, клоками унес в сторону еще часть тумана. Расширив глаза, она увидела, как на поляне, в низине, две большие, красивые змеи, стоя на самом кончике хвоста, извиваются, переплетаются между собой, покачиваясь в такт звучащей музыке. Одна из них, нежно – серебряного оттенка, с вкраплениями блестящих, мерцающих чешуек, и вторая, иссиня – черная, с белыми, широкими полосами. Синичка заворожено следила, не в силах оторвать взгляд от этого танца. Грациозного, по своему прекрасному и опасному. Если, когда – ни будь, ей бы довелось рассказать об увиденном, она не смогла бы этого сделать. Все слова, стали бы скупыми, грубыми, не могущими описать всю красоту этого действия. Моргнув, девушка почувствовала, как воздух дрожит, а фигуры змей, как будто бы смазываются. Находясь во власти неведомой, загадочной музыки, она увидела, на месте этих существ, людей. Юную, тонкую девушку, которая казалась легкой, как птичка. Красивое, удлиненное к низу лицо, копна светлых, почти белесых волос с ярким, блестящим камнями венцом, на губах которой, теплилась, нежная улыбка. Она об руку, медленно танцевала с юношей. Выше ее на голову с копной черных волос и таким же красивым лицом. Девушка закружилась, затрявшившись в сполохах белого, подвенечного платья. Неожиданно Синичка вздрогнула. Откуда-то из дали, блеснули золотом глаза и девушка почувствовала, как в душу закрался тягучий, липкий страх. Вспомнила, как давным – давно, баловала ее Вирь – Ават, баснями. И одна из них была о Змеином Царе, что живет под землей. О том, когда мир был юн, прекрасная девица ходила за морошкой, и увидела, как женится змей со змеицей. Не сбежала, не закрыла глаза, на свою беду смотрела на танец. За это просватали ее за Змеиного Царя. Стала она умолять его, чтобы не забирал ее, не лишал солнышка. Смиловившись Змей, сказал, что за доброту ее, подарит ей два дня, чтобы зелье сварить, от которого она позабудет все что увидела. Но не успела девица, не разыскала. Двух дней не прошло, как пришлось ей спуститься в подземное царство. Вот она, плата за любопытство неумное. Крепко зажмурившись, она попятилась, стараясь не наступить на вьющихся по земле змей. Под ногой, с хрустом сломалась сухая ветка, и испуганно вскинув глаза, она увидела, как девушка и юноша обернулись в ее сторону. В ту же минуту, по бокам от нее, оказались два молодца. Высоких и плечистых, похожих меж собой, как две капли воды. Синичка не успела даже вскрикнуть, как они схватили ее за плечи, и повели вперед, в самую гущу тумана. Как в бреду, она медленно шла, не в силах заставить себя, хотя бы попытаться вырваться, сбежать. Они прошли между юношей и девушкой, которыми всего мгновение назад, она любовалась. За спиной послышался едва уловимый шорох голосов. Туман рассеялся, мужчины отпустили ее. Синичка подняла глаза и страх заставил тело онеметь. Перед ней стоял высокий, худой мужчина, и полная ужаса девушка поняла, что это и есть, Змеиный Царь. Ее взгляд цеплялся за совершенно ненужные детали. За отвороты на кожаных сапогах. За круглые, серебряные пуговицы на его жилете. За такую же серебряную рубашку, из легкого материала. За узкие ладони, затянутые в черные, кожаные перчатки. И наконец остановился на лице мужчины. Синичка вздрогнула всем телом, в ужасе, широко распахнув глаза. Большие, слегка на выкате глаза, цвета расплавленного золота с вертикальным зрачком. Холодные и неподвижные. Лишенный губ, сомкнутый в жесткую линию, рот. Длинный, с широкими крыльями, нос. Все его лицо было покрыто жесткими и мелкими золотыми чешуйками. У глаз, у резко очерченных скул, чешуя была темнее. Длинные, вьющиеся, пегие волосы обрамляли лицо, а на голове виднелись длинные и тонкие, слегка загнутые вверх, витые рога. Поперек его лба пролегла вертикальная морщинка, он слегка нахмурил тонкие, едва заметные за чешуей, брови.

– Как посмела ты, человеческая дочь, обесчестить своим присутствием священный обряд? Как посмела следить, за змеиной свадьбой? – его голос был сух и холоден. Похожий на перекачивание песка по ветру, в знойный день.

– Я... Я не хотела... – голос Синички дрожал. – Прошу Вас, простите меня... Прошу Вас...

– Я знаю, что не просто так, ты оказалась здесь, но за любопытство свое ты заплатишься. Быть теперь тебе моей невестой. – процедил он сквозь зубы. – Даю тебе два дня срока, на то, чтобы отыскать змеиное зелье. Управишься в срок, я отпущу тебя, и ты позабудешь все что видела. А не справишься, спустишься в мое Подземное Царство и меня мужем своим назовешь.

Неожиданно все вокруг накрыло туманом, да таким густым, что девушка не могла разглядеть даже своих рук. И так же внезапно, как появился, он рассеялся. Островок был пуст и только эхом проносились слова Змеиного Царя: «Два дня срока. Два дня.»

– Пряхи были правы! Были правы! – Серебрянка, радостно улыбаясь, хлопнула в ладоши. – Роду продление!

Полоз на мгновение остановившись, хмуро посмотрел на нее. Мужчина вышагивал из угла в угол по залу и вил в пальцах тонкий шнурок. Не так он себе представлял встречу с невестой. Не так.

– Она человек? – спросила Велета, на мгновение оторвавшись от своего рукоделия, которое держала в руках.

– Именно нянюшка. Но, это ничего не значит. – Серебрянка сурово посмотрела на старушку, как будто та, уже сказала веское, злое слово.

– А я и не против. – проговорила она, близоруко сощурившись. – Пра – пра – прабабка царского рода, тоже была человеком. И оказалась мудрой правительницей, советницей, первой помощницей своего супруга. Хороша ли девица?

– Очень, нянюшка! Она мила, прекрасна! Как раз то, что нужно нашему Полозу. – Серебрянка снова хлопнула в ладоши, подскочив на месте. – А то, что друг друга не знают, так это не беда.

– Стерпится – слюбится. – мудро подметила Велета.

Полоз поглядел в их сторону, тяжело вздохнув. Витой шнурок в его пальцах, снова расплелся. Он думал о певчей птичке, по неловкости, попавшей в кольца к змею. И жалко было девицу, да только закон поправь, он был не в силах. Даже говорить с ней теплее, и то не мог себе позволить.

– Сыграем государеву свадьбу, на зависть соседям из Северных Краев. – не в силах усидеть на месте, девушка встала, и закружилась на одном месте. – А у меня подруженька появиться.

– Правителю подмога будет. Змеенышей нарядят, на радость старухе. – пробормотала Велета.

Мужчина кинул на них быстрый взгляд, чуть ли, не взвыв от досады.

– Полоз, а ты почему молчишь? – Серебрянка, уперев руки в бока, поглядела на брата.

– Слушаю. – хмуро ответил он. – Гладко у вас все выходит.

– Так не у нас, а у тебя выходит. – девушка лучезарно улыбнулась ему. – Радоваться надо Полоз, радоваться. Счастье под крышу отчего дома пришло, а ты хмур. Неужто девица не любя? – она лукаво улыбнулась, блеснув глазами.

Сохранив молчаливое достоинство, он быстрым шагом покинул залу. Серебрянка проводила его взглядом, и снова села рядом с Велетой.

– Глупый еще. Маленький. – проговорила старушка. – Счастья своего не ведает. Против судьбы идти, что быстрюю речку против течения переходить, гиблое дело.

Напоив Вирь – Ават настоем из корня Горца, Синичка провела у ее постели весь день и всю ночь, до самого рассвета. До первых петухов. Несколько раз она погружалась в дрему, но через секунду просыпалась. Все ей слышался пыльный, шелестящий голос, который звал ее по имени, да напоминал о сроке. На утро старушке стало лучше. Хворь из нее выходила. Заметив перемены в Синичке, Вирь – Ават приподнялась на лавке, заглянув в ее лицо.

– Что с тобой, утенок?

Девушка вздохнула, да и поведала, все что с ней произошло. Как на болота ходила, как свадьбу змеиную видела, как Царя Змеиноного повстречала. Старушка снова откинулась на лавку, устремив взгляд в потолок и замолчала. Синичке на мгновение почудилась, что Вирь – Ават уснула, но неожиданно она спросила:

– Давно ли случилось это, дитяtko?

– Вчера, бабушка.

Вирь – Ават кивнула и снова, не мигая, уставилась в потолок. Синичка прервала молчание:

– Что мне делать, бабушка? Где отыскать змеиное зелье?

Старушка глубоко вздохнула, не глядя на нее:

– Не существует его, девочка.

Синичка вздрогнула

– Бабушка... – жалобно проговорила она. – А как же...

Вирь – Ават молча посмотрела на нее и отвернулась. Девушка почувствовала, как холод сковал ее тело, добираясь до самого сердца. Если бы было бы средство, способное помочь, знахарка сказала бы ей, помогла, направила.

– Что же стало с той девицей, о которой ты рассказывала мне баснь, бабушка? – тихо спросила Синичка.

– Не могу я ответить тебе, дитяtko, на этот вопрос. Тайна эта за семью печатями спрятанная.

Вирь – Ават села на лавке, порывисто сорвала с шеи латунный медальон с выгравированным на нем языком огня, и вложила в дрожащую ладонь Синички. Девушка крепко сжала его.

– Носи его на шее. Он убережет тебя от беды. Нет худа без добра. Может быть там, тебе будет лучше, чем здесь.

Синичка благодарно обняла старушку и завязала шнурок на шее, скрыв его за одеждой.

– Куда ты, утенок? – спросила знахарка, увидев, что девушка поднимается на ноги.

– Домой. Память мамину забрать.

– Не нужно, девочка. Ждут тебя там люди с умыслом злым. Беда будет. Не ходи.

Вирь – Ават не умела лгать. Да и надобности не было. Девушка кивнула и снова села подле старушки.

Глава 4

Полоз сидел в богато-украшенном свежими цветами, зале, в полном одиночестве, и рассматривал нутро стеклянного шара. В отражении, он видел, свою невесту, с печатью печали и безысходности на лице, смотревшую на закатное солнце. Второй день был на исходе. Зажгутся огни, заиграет свирель, все Змеиное Царство выйдет на поверхность, всего на несколько минут. И спустится рука об руку с ним юная невеста. Боящаяся его, не знающая его. Кто он для нее? Монстр, страшный ликом. Чудище рогатое, забирающее у нее свет солнца, жизнь промеж людей. Змей холодный, чешуйчатый. Злость на самого себя, хотя и понимал, что он не виноват в этом, затопила его, накрыла жгучей волной. Сдавлив в ладони шар, он слегка раскрыл ладонь, от чего на пол, осыпались мелкие, похожие на пыль, серебряные осколки. Если он поторопится, то успеет завершить незаконченное дело. Хоть чем – то порадует птичку певчую. Он резко поднялся на ноги, сделав замысловатый взмах рукой. Широкий, тяжелый, белый плащ, опустился на его плечи.

– Еще рано, Полоз, куда ты собрался? – голос Серебрянки, заставил его слегка вздрогнуть, и резко повернуться. Девушка стояла в дверях, скрестив тонкие, обнаженные руки на груди. Ее лицо выражало беспокойство, напополам с любопытством.

– Не беспокойся. Сбегать я не собираюсь. – процедил он, сквозь зубы.

– А я и не говорю, о том, что ты собираешься бежать. – она подняла вверх тонкие брови. – Я – любопытствую.

Он провел ладонью по лицу, мысленно коря себя за вспышку гнева.

– Прости меня, сестра. Я не хотел тебя обидеть. – пробормотал он.

Она подошла к нему, положив ладони на плечи, и тепло улыбнулась:

– Ты переживаешь. Это в порядке вещей. Так куда ты собрался идти?

– Хочу сделать Невесте подарок. Такой, о каком она не забудет.

– Хорошо. Тогда нам нельзя задерживаться. Я так понимаю он находится во Внешнем Мире? Нам нужно поспешить. Не гоже опаздывать жениху на собственную свадьбу.

– Нам? – теперь настал его черед удивляться.

– А ты думаешь, я отпущу Великого Алатума, одного, в смешанных чувствах? – она лукаво улыбнулась, слегка сморщив нос. – Нет, Полоз, я всегда была рядом, и рядом останусь.

Мужчина закатил глаза, и на его лице промелькнула, едва заметная, ухмылка.

Второй день был на исходе. Синичка сидела на берегу речки, опустив босые ноги, в прохладную воду, и глядела на алые лучи, заходящего солнца, пробивающиеся сквозь деревья.

Сегодня был последний день. Сегодня за ней придут. Она нутром это чуяла, ощущала душой. Этой ночью ее сморил сон. Снова бежала она, через заснеженный лес, к избушке лесоруба. Снова вела за собой Милу. Снова в дребезги разбилась чашка полная отвара. И голос, шелестящий и сухой, все повторял: «Спускайся. Я жду тебя. Спускайся.» Синичка опустила подбородок на колени, подняв глаза к небу. Прощаясь с вешним солнышком, с синим небом, с белыми облаками, с лесом. Не видеть более ей белого света, не услышать пение птиц, не уразуметь человеческую речь. И мечты о муже любимом, о доме, поглотила темнота. Навсегда судьба связала ее со страшным, злым Хозяином Подземного Мира. С Вирь – Ават она уже простилась. Старушка обняла ее, и долго не отпускала. Прислонилась сухими губами ко лбу. Последнее напутствия дала. Домой девушка, так и не вернулась. Погибнет последнее напоминание о матери. Книга так и останется лежать в полу, меж досок, шкура, заботливо скроенная, так и останется на лавке. И ни одна любящая рука, не проведет по шершавым страницам, не коснется мягкого меха. Собрав целые пригорошни (пригоршни) травы, она закрыла глаза, поднесла их к лицу, вдыхая запах свежей земли, запах природы, запах леса. Слез не было. Они давно высохли. И единственное, что ей оставалось, ждать неизвестного и наслаждаться такими простыми радостями. Легкий шорох позади, заставил ее широко распахнуть глаза, и обернуться. Перед ней стояла низенькая старушка. Собранные, в сплетенные между собой косы, седые волосы. Тонкая сеть улыбчивых морщин в уголках, темно-синих глаз. Доброе лицо. Одетая в просторное платье. Она окинула девушку с ног до головы, слеповато прищурившись. А затем, склонив голову на бок и улыбаясь, спросила:

– Почем печалишься, девица? Неужто обидел кто?

– Нет, бабушка. – девушка покачала головой.

– Птичка певчая. Маленькая, красивая. Синичкой, небось величают?

Девушка удивленно кивнула, не сводя взгляд от прищелицы.

– Меня Велетой звать. – проговорила старушка. – Думаешь в клетку золотую посадят? Петь заставят. – она покачала головой. – Не бойся. Не обидят тебя. Пойдем. К жениху тебя отведу.

– Полоз, что это за люди? – Серебрянка схватила мужчину за руку, испуганно выглядывая из-за деревьев. Он приложил тонкий, когтистый палец к губам. Девушка едва заметно кивнула, замолчав. Острое зрение, помогло им различить стоящий в дальнем конце поляны, покосившийся севший сруб, с дверью, которая болталась на одной петле. Вокруг него столпились люди. В основном мужчины. Кто – сидел на траве, кто-то стоял, и рой голосов, похожий на пчелиное жужжание, наполнял поляну. Чуть поодаль сруба, была навалена большая куча хвороста, в середине которой, стоял вертикальный шест. Полоз наостриллся, стараясь различить в стоящем гомоне, хоть какие-то слова.

– Буренка, кормилица наша последняя, издохла. – причитала одна из немногих женщина, заламывая руки. – Хворь страшную навела, ведьма проклятая.

– Посевы пшеничные не взошли. Как же теперь... – рыдала вторая на плече у тучного мужчины. – Боги отвернулись от нас.

– Давно надо было это сделать. – звучным эхом прокатился мужской голос. – А то все больно добрые. Непотребство такое позволяли, в дома ее впускали! Еще когда подлеткой была, надобно было сделать это.

– Надо было. Да что сетовать, коль упустили. Ищи-свищи ее. Весь лес прочесали, а она как будто в воду канула. – отозвался еще один, который удобно расселся на полянке. – Собаки не чуют. Одним словом – ведьма!

– Так может и правда, канула? – проговорил третий.

– Дурень, ведьмы не тонут! – прокричал четвертый.

Полоз почувствовал, как ненависть затапливает разум. Серебрянка дернула его за рукав, заставив опомниться.

– Что же они хотят сделать с ней? – прошептала она, приложив ладони к губам.

– Сжечь. – тихо, с ненавистью проговорил он.

– Зачем, Полоз? Она же их рода.

– Потому что – люди. – выплюнул он, ненавидяще глядя на сруб. – И пришлая.

– Пришлая? А ты откуда знаешь? – Серебрянка медленно повернулась к нему.

Он промолчал, лишь сомкнул в жесткую линию, рот.

– Останься тут. Я туда и обратно. Заметить не успеешь, как вернусь. – тихо проговорил он, и растворился в клубах фиолетового дыма. Серебрянка опустила глаза, чтобы увидеть, как юркнул в траве толстый, гибкий змеиный хвост. Стараясь держаться как можно дальше от людей, подавив в себе желание появиться прямо перед ними, как грозный, страшный Змеиный Царь, помня о сохранности своего народа, он в мгновение ока оказался сбоку сруба. Найдя достаточно широкую щель, он юркнул внутрь дома. Огляделся. Комната была пуста, хотя и хранила в себе чужое присутствие. Все горшки были разбиты; лавка и стол перевернуты, даже полки, на которых стоял выскобленный из коры хранитель дома, были разнесены в щепки. Он аккуратно выглянул за дверь. Из комнаты виднелся кусок больших сеней. Удостоверившись, что люди не заметят его присутствия, он снова стал человеком. Еще раз оглядев комнату, он встал на колени, пробежав пальцами по доскам.

– Полоз. – его слуха достиг тихий, едва уловимый голос.

– Я же просил тебя, остаться там. – так же тихо ответил он, поглядев на нежно – серебряную змеицу, которая подняла острую морду вверх, глядя на него бусинами глаз.

– Я не могла оставить тебя одного. Что ты ищешь?

– Книгу. Старую, толстую книгу. Она должна быть под досками. В змеином теле не сподручно.

– Ты постучи, а я скажу тебе какая полая.

Он кивнул, когтями пробежавшись по доскам.

– Стой. Стой. – неожиданно проговорила Серебрянка. – Вот тут глухо звучит. – змеица указала хвостом на кусок пола под его коленом.

Полоз практически растянулся на полу, поджав под себя ноги, прислонившись ухом к доскам.

– И правда глухо. Подожди... Но как... – проговорил он. – Я знаю.

Он снова встал на колени, надавив рукой на одну из частей пола. С тихим скрипом доска поднялась вверх, обнажив отверстие. Засунув туда руку, мужчина вытащил на свет сухую, толстую книгу.

– Она? – поинтересовалась Серебрянка.

Полоз кивнул, вставая на ноги и нежно, аккуратно завернув книгу в полоску бархата, спрятав куда-то под плащ. Неожиданно послышавшиеся шаги, заставили его замереть, наострившись.

– Кто – то идет. – испуганно проговорила Серебрянка. – Нам нужно уходить.

– Шкура, здесь еще должна быть волчья шкура. – судорожно проговорил он, разворачиваясь вокруг своей оси, нервно озираясь.

– Шкура – то тебе зачем? – почти простонала змеица. – Они сейчас войдут сюда!

Шаги все приближались, и неожиданно, мужчина увидел ее. Белый мех, выбивался из-под перевернутой лавки. Резким движением, он бросился к ней. Откинул сломанную лавку, схватил потертую, запыленную, благо не порванную злыми людьми, шкуру. В это мгновение, в комнату вбежало сразу несколько мужчин, да так и застыли на месте, разглядывая Полоза. Подхватив Серебрянку на руки, он круто повернулся, растворившись в воздухе, оставив плащ, лежать посреди комнаты, напоследок услышав возглас:

– Ведьма опять морок навела!

Оказавшись среди деревьев, в отдаленной, глухой чаще, мужчина опустил змеицу на землю, которая тут же стала девушкой.

– Полоз! Что же ты творишь?! – она уперла руки в бока.

– Плащ второй потерял... – в ответ на это посетовал мужчина, проверяя шкуру и книгу.

– Второй?!

Он кивнул, сузив глаза, рассматривая книжный переплет.

– При почти таких же обстоятельствах. Но... как видишь, все обошлось. – он на мгновение, кинул на Серебрянку быстрый взгляд, отметив, что сестра кипятиться не хуже самовара.

– Ты невыносим! – она топнула ножкой, обутой в шелковые туфельки. – Так зачем тебе эта шкура была нужна?

Любопытство пересилило, и девушка подошла поближе, аккуратно провела ладонью по меху.

– Она ее память. – просто ответил Полоз, пожав плечами.

– Я видела ее глаза, когда она увидела тебя. Думаешь она посмотрит на тебя по-другому?

– Я не собираюсь покупать ее подарками. – оскорбился он. – Если ей и суждено прожить со мной всю жизнь, то я хочу, чтобы то, что дорого ее сердцу, было при ней.

– Она полюбит тебя, Полоз. Как только узнает по лучше. – Серебрянка, тронула его за плечо.

Он горько усмехнулся:

– Пойдем. Действительно, нехорошо будет, если я опоздаю на собственную свадьбу.

Солнце зашло, погрузив мир в темноту. Синичка медленно шла за Велетой, склонив голову, не заговаривая. Они ступили на болота, где она совсем недавно собирала траву, и была переполнена беспокойством за Вирь – Ават. По ним снова стелился густой, белесый туман, и только свет светлячков, хоть немного, но пробивался сквозь хмарь. Они достигли островка и остановились. Клубы тумана начали развеиваться и глазам Синички, открылась целая толпа людей. Змеи. Она сразу поняла, что это были поданные Змеиноного Царя. Мужчины, женщины, дети, слишком красивые, чтобы быть просто людьми, без единого изъяна, с глазами, слабо мерцавшими в темноте. Велета, ободряюще сжала ее локоть и отошла в сторону. Синичка перевела взгляд вперед, встретившись глазами со своим нареченным. Он стоял выпрямившись, такой же высокий, покрытый золотой чешуей. Его глаза неподвижно смотрели на нее. Он выставил вперед руку, затянутую в кожаную перчатку, ладонью вверх. На мгновение зажмурившись, подавив в себе страх, она на негнущихся ногах подошла к нему, вложив дрожащую ладонь в его руку. Неподалеку, по разные стороны, вспыхнули два высоких костра, осветив собравшийся люд. Послышался мелодичный зов свирели. Мужчина молча, не отпуская ее, заложил вторую руку за спину. Синичка закрыла глаза. Танец. Музыка, казавшаяся ожившим существом, вела ее, накрывала теплым пологом. Отточенные движения, которых она не ведала, складывались в голове, заставляли тело двигаться, теряться в зелени болота. Музыка успокоила ее, казалось, нашептывала, обещала, что все будет хорошо. Синичка не знала, сколько продолжался танец. Минуту, час, а может быть несколько дней. Свирель издала последнюю ноту, унесся ее в высоту. Девушка открыла глаза. По воздуху плыли разноцветные искры, то вспыхивая, то исчезая. Собравшиеся люди, улыбались, смеялись, хлопали в ладоши. Она перевела взгляд на своего жениха. На лице мужчины не отразилось ни одной эмоции, холодная, жесткая маска. Она вздрогнула, когда почувствовала, что по ногам скользит прохладный, фиолетовый дым,

поднимаясь вверх. Последний раз, она кинула взгляд на чернильное небо, на котором зажглись холодные, бледные звезды. Последний раз поглядела на пышные кроны деревьев. Последний раз увидела маленькие, розовые цветы Горца. И перед тем, как утонуть в темноте, она подумала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.